

Эзотерический Бестселлер



том
IV.

Александр **Рей**

НА

СТ

В ПОИСКАХ

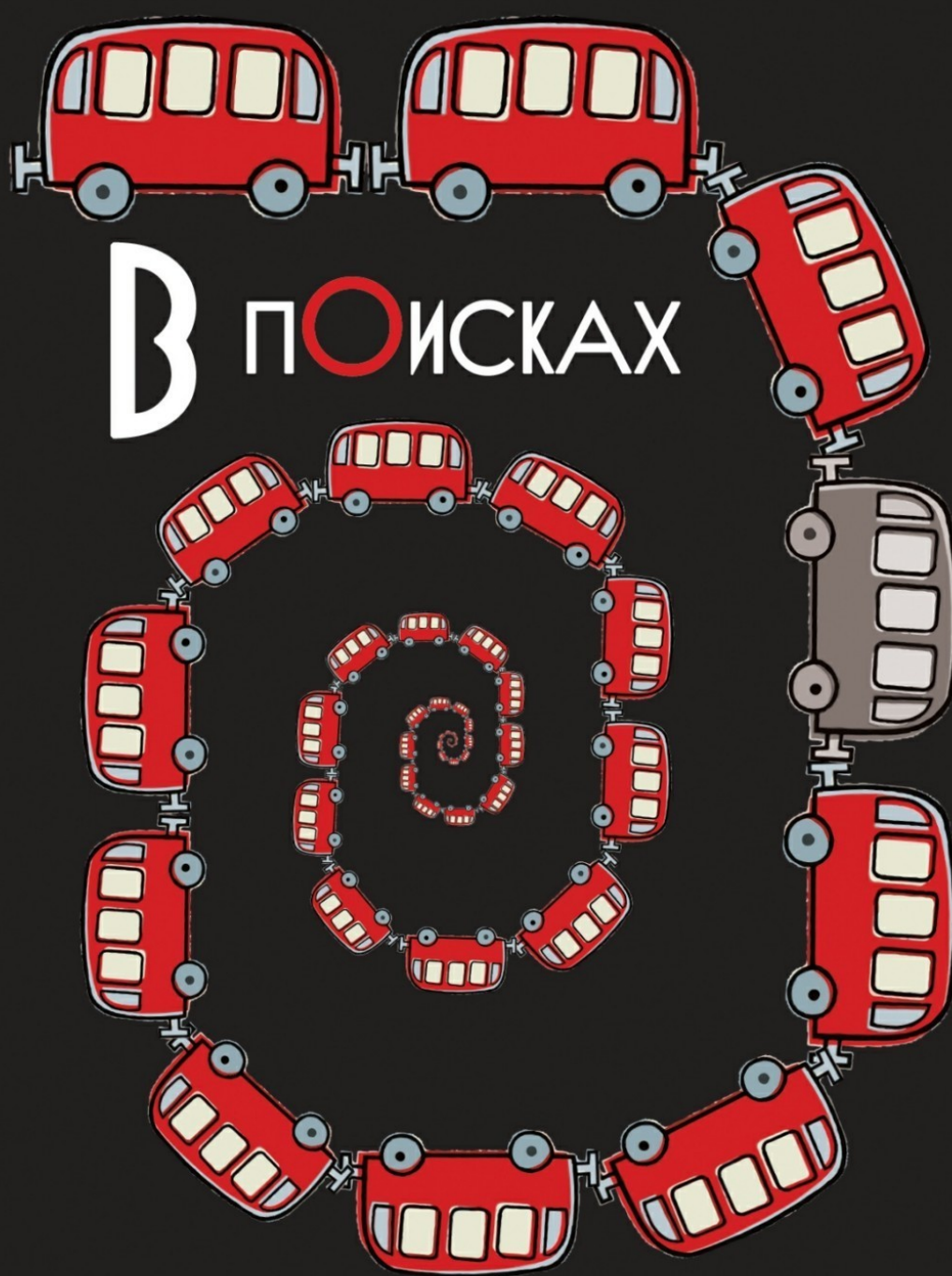
О

ЯЩ

ЕГ

О

16+



Александр Рей

В поисках настоящего

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Рей А.

В поисках настоящего / А. Рей — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-532-11473-9

Два героя. Два мира. Две судьбы. Что реально, а что выдумка? Кто живой, а кто на грани? Глубокий, пропитанный повседневным мистицизмом роман Александра Рея уведет далеко за пределы привычного взгляда на мир. Что вас ждет? Глубокие размышления о предназначении человека и последствиях отказа следовать его зову. Обложка авторская!

ISBN 978-5-532-11473-9

© Рей А., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Проводник	6
Глава I. Мальчик	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Пролог

- А мне кажется, что Вы понапрасну теряете время, – сказала Алиса.
- Как бы не так! – возмутился Шляпник. – Время не потеряешь... Не на того напали! Взяв заварочный чайник, Шляпник налил из него в чашку мышь, что сонно встрепенулась:
- Конечно, конечно! Я с вами полностью согласна, – чтобы тут же вновь уснуть.
- Ты со Временем, небось, никогда и не разговаривала? – встрял в разговор Мартовский Заяц.
- Хотя я и не разговаривала, – Алиса стояла на своем, – но зато никогда не задумывалась, как убить время.
- Шляпник, Заяц и Мышь от ее слов оцепенели от ужаса, затряслись, скукожились, не переставая боязливо оглядываться на сотни часов, грозно тикающих позади них.
- Время этого не любит, – прошептал Шляпник.
- Вот! А с нами оно поссорилось, – подхватил Мартовский Заяц.
- И теперь у нас все время шесть часов.

*м/ф «Алиса в Стране Чудес»,
Киевнаучфильм, 1981*

Упущенные шансы, недосказанные слова, нереализованные желания или несовершенные поступки никуда не уходят, дожидаясь, когда кто-нибудь, наконец-то, поставит точку. И даже когда придет Конец Времен и ВСЕ обратится в НИЧТО, останутся лишь наши незавершенности, одиноко болтающиеся в пустоте бесконечного ожидания...

Глава 1. Проводник

Via est vita.

Жизнь – это дорога.

Пока сижу на крыше, солнце уже три раза успевает расцвести и угаснуть. Кому-то это может показаться чересчур, но по мне – в самый раз. Главное – я получаю огромное удовольствие, наблюдая за передвижением огненного диска по небосклону и мерцанием звезд в ночи.

Ну, конечно же, приходится периодически спускаться. Попробовал бы хоть кто-нибудь остаться под солнцем в такое пекло – с ума можно сойти. Это – во-первых. Во-вторых, любой разумный человек догадается, что мне необходимо питаться (не святым же духом, в самом деле) и ходить в туалет (понимаю, что никто не увидит, но все же).

Поэтому сейчас, когда солнце принялось добросовестно пылать, изводя ультрафиолетом, я встаю, надеваю плавки, собираю прилежно спрессованные мною алюминиевые банки-блинчики из-под «Доктора Пеппера» и, зажав свободной рукой нос, с разбега ныряю «солдатиком» в соленые изумрудные волны.

Немного поборовшись с плотью воды, выныриваю у самой лестницы и, зацепившись рукой за нижнюю ступеньку, почти касающуюся океанской глади, бросаю мусорный пакет в тамбур. И только затем с небольшим усилием забираюсь туда сам. Пробежав по давящему духотой вагону, спасаюсь бегством в своем купе. Здесь меня ждет кондиционер (Благослови его, Господи!), банка холодного (после коридора кажущегося ледяным) любимого напитка и интересная книжка. Правда, еще не знаю, какая: ведь старую я уже прочел, а новая еще не появилась). Оказывается, «Почерк Леонардо» Дины Рубиной. Но, несмотря на интригующее начало, я, разморенный жарой, погружаюсь в благословленный кондиционером сон.

Проснувшись и наскоро перекусив, вооружившись веником и тряпками, начинаю ежедневную уборку вагона. Старт беру с тамбура и коридора. Пройдусь по всем купе и уже в последнюю очередь почищу туалеты. И все... Я свободен на весь оставшийся свет и тьму! Опять могу лезть на крышу, захватив с собой снедь и напитки, книжку и магнитофончик-бумбокс, чтобы заняться своим любимым делом – лениться.

Как раз подстраиваясь под мой распорядок, солнце перестает нещадно жечь, и уже ничто не стоит на моем пути. Стянув плавки и вытянув длинные ноги, могу поджаривать тело, придавая ему равномерный аппетитный оттенок «а-ля курочка гриль», ненадолго прерываясь лишь для того, чтобы в очередной раз нырнуть в прохладную синеву. Блеск!

Я сижу на крыше моего вагона уже три полных солнечных цикла. А значит, уже в третий раз я могу наблюдать, затаив дыхание, последние лучи уходящего солнца.

Божественно красивый, расцвеченный яркими красками закат, слепящий и целующий душу, околдовал, заморозил, увлек. Золотисто-оранжевые оттенки среди спокойного океана – что может быть лучше? Что?

Отраженные в маленьких волнах дети уходящего светила сливаются с монолитом океана. Оборачиваясь ковровой дорожкой, она приближается к самым ногам. Хочется, доверившись ощущениям, шагнуть на нее и посмотреть, куда же все-таки ОНО манит – огромное, теплое, дающее жизнь... Солнце.

Уже третий цикл света и тьмы, неподвижно возлегая на крыше поезда, следующего по маршруту «Ниоткуда–Никуда», я смотрю на блистательный закат и пытаюсь в очередной раз хоть что-нибудь понять или вспомнить, мучая себя вопросами.

Если бы я решил кому-нибудь поведать о тех безмятежных днях. Кому-нибудь, кто не имеет ни малейшего представления обо мне. Он или она, я уверен, ничего не смогли бы понять из моих слов. Это точно.

Сначала я лежу на крыше. Потом, когда становится невыносимо жарко, ныряю в океанские воды. Оттуда – прямоком отсыпаться не куда-нибудь, а в вагон поезда. Уборка. И уже в конце – гулять по дорожке заката.

Со стороны послушать – полнейшая чушь!

Но это лишь для того, кто мыслит стандартными мерками – поземному. А я – за переделами Земли, и это стало мне понятно довольно давно. Откуда? Да просто догадался!

Конечно, будь я хорошим рассказчиком, уважающим своих слушателей и их «земную логику», точно бы не начал с тех трех, проведенных посреди океана дней. Стоило поведать все с самого начала, последовательно излагая события, собрав их в единую логическую цепочку. Но, во-первых, рассказывать некому. А, во-вторых, как по мне, так те океанские воспоминания действительно достойны внимания.

Хотя (с другой стороны), пожелай я начать с самого начала, то о чем, собственно, говорить? О каком таком «начале», если его попросту нет? Чем все закончилось, я знаю. А с чего началось? Сколько помню себя, столько я проводник в этом вагоне. Все просто! Я есть проводник. Проводник – это я. Вот так.

Вагон в моем распоряжении – самый что ни на есть обычный. Длинный, устланный ковровой дорожкой коридор соединяет два тамбура, а между ними – девять купе. В каждом – по четыре койко-места. Два туалета, душевая. Окна украшены всегда безупречно чистыми занавесочками. И (самое главное) – прямо напротив всегда раскаленного «Титана» – мои личные апартаменты: купе проводника с двумя койками, маленьким холодильником и микроволновкой. Есть даже полка, где вполне смогут разместиться с десяток пухлых томиков. Но свободное место здесь расходуется нерационально. Там неизменно лежит одна-единственная книга.

Лишь дочитав очередной роман или сборник, обнаруживаю на его месте совсем другой – достаточно лишь положить книгу на полочку-самобранку. Со стороны это выглядит, будто полка сама знает, когда книга мной прочитана, а когда нет. Я даже экспериментировал – положив книгу, отводил взгляд всего на секунду, и... Опля! Уже новый фолиант занимал исходную позицию. Причем с недочитанными книгами этот фокус не проходит. Слава Богу, тот, кто составляет для меня, так сказать, «рид-лист», чутко улавливает мои вкусы и еще ни разу не подsunул какую-нибудь ерунду.

Что-что? Самопооявляющиеся книги – странно? «Ничего подобного, – отвечу я. – Все познается в сравнении!»

Сопоставив книготелепортацию со всем остальным, что является моими серыми буднями, Вы сочтете ее ничтожной козявкой рядом со слонем. Книги и, соответственно, полка-самобранка – всего лишь мизерный штрих! Как, впрочем, и обожаемый холодильник с невесть как образующейся провизией (все по тому же принципу: закрыл – открыл – готово)... И подставка для компакт-дисков с бесконечно обновляющимся калейдоскопом исполнителей. И даже (извиняюсь за подробности) туалет, с которым я тоже долго проводил опыты, пока не смирился. Потому что привыкнуть к такому нельзя!

И так постоянно! С каждым разом я узнаю все больше нового о вверенном мне вагоне. Точнее, о моем вагоне! Ведь он – мой. И никуда от этого не денешься. Правда, не денешься. Уже сколько раз пробовал!

Где-то я прочел, что даже из самой безвыходной ситуации есть, как минимум, три выхода. Так вот, в моем случае это утверждение совершенно неуместно. Мой вагон преследует меня. Или я его? Черт! В общем, я еще не до конца разобрался. Суть в том, что я не могу от него сбежать. Причем как от поезда в целом, так и от моего вагона. Перейдя из тамбура в дверь, ведущую в соседний вагон, я неизменно попадаю опять в свой же вагон. И неважно, в каком

направлении я двигаюсь. По сути, я могу бесконечно идти в одну сторону, переходя из вагона в вагон, и неизменно – все двери купе открыты нараспашку (как и положено), мусорница пуста (кстати, тоже самоочищающаяся), а в каморке проводника лежат все мои вещи строго как попало: именно так, как я их, покидая рабочее место, и оставлял, специально запомнив расположение. То есть, без сомнений, – снова и снова – мой вагон!!!

Я нашел полезное применение данному феномену. Когда окружающие ландшафты не позволяли заниматься бегом (как, например, тогда, посреди океана), или когда поезд упрямо не желал останавливаться в течение многих световых циклов, а размяться очень хотелось, только и оставалось бегать по вагонам – успевай лишь двери открывать! Удобно это, в первую очередь, тем, что не нужно рассчитывать силы – бежишь себе без проблем, пока не устанешь. А как надоест – просто останавливаешься. Ведь в любом случае оказываешься дома, в родном вагоне. Как-то я два часа кряду пробегал, а мои вагоны так и не закончились. Интересно, это какой длины поезд получится? Снаружи дела обстоят немного сложнее, но, в принципе, результат тот же.

Поезд. Хотя и поездом-то его назвать толком нельзя, так как у поездов обязательно должен быть локомотив. В моем случае его нет и в помине. Поэтому правильнее будет сказать «состав». Итак, мой состав представляет собой цепь надежно скрепленных вагонов. Кроме моего, находящегося ровно посреди, существует еще десять вагонов – пять в одну сторону и пять в другую. Хотя фраза – «помимо моего вагона» – не совсем соответствует действительности.

Как можно догадаться, немного поразмыслив, соседние вагоны, также являются моим вагоном. И если выйти на улицу и пройти (хочешь налево, хочешь направо) до следующего вагона, а затем взобраться по решетчатым железным ступеням в тамбур, то сразу станет понятно, что находишься в том же самом вагоне, откуда только что вышел. На одной из холодных серых стен красуются когда-то кем-то выцарапанные на память: «Костя – Адлер – СУПЕР!». Причем безразлично, в какой по счету вагон заходить (третий, девятый или седьмой; первый или последний): результат всегда один и тот же. Вопреки здравому смыслу, я оказываюсь в своем вагоне исключительно посреди состава!

Убегать в сторону от моей вечной обители смысла тоже нет, потому что все происходит аналогично. В какую бы сторону я ни бежал, оставив позади уходящие в бесконечность рельсы, как только они скрываются за горизонтом или деревьями (в зависимости от той местности, в которой состав решил отдохнуть), впереди начинают виднеться очертания одинаковых, как братья-близнецы, вагонов. Все происходит так, будто я нахожусь на малюсенькой планете, и, куда бы ни побегал, все равно наткнулся на ожидающий меня состав. Мне даже представляется целый мир, исполосованный железнодорожными путями на одинаковом расстоянии друг от друга. Если задуматься, как это все устроено, сразу мозги набекрень, а голова начинает гудеть. Тяжко целый мир уместить в голове одного человека.

В общем, так и живу! Одиннадцать вагонов и все, как один – мои. Правда, без тепловоза. Да он и не нужен – поезд ведь как-то движется. Но думать, как именно, вовсе не хочется. Я уже давно понял, что многое мне понять не дано – лучше просто принимать как должное. Что я с успехом и делаю, хотя иногда продолжаю экспериментировать.

Познавать окружающий мир вокруг иначе, кроме как опытным путем, возможности нет. Ведь мне вообще никто ничего не объяснял. Кто я? Что я здесь делаю? Почему проводник? Каким образом меняются книги на полке и снедь в холодильнике? И вообще, почему все происходит так, как происходит, а не иначе? На все эти вопросы еще предстоит ответить... Самому. Потому что спросить, в общем-то, не у кого.

На моем вагоне (как и на всех прочих) снаружи, приблизительно посреди, висит длинная белая табличка, служащая указателем маршрута следования. А поезд движется, судя по идеальной белизне таблички, из пустоты в пустоту. Там, где должен значиться пункт отправ-

ления – пустое место, затем идет жирный дефис (или тире, я не разбираюсь), чтобы вновь закончиться пустотой.

Каждый раз, когда я смотрю на эти пустоты, вместо которых должны быть какие-то названия населенных пунктов, мне до рези в зубах начинает хотеться... Очень-очень хотеться, чтобы на табличке что-нибудь было написано. Что – не знаю. «Самара – Рязань»? «Питер – Москва»? «Лондон – Воркута»? Не знаю.

Непонятно зачем, наверное, чтобы справиться с этим диким желанием, я пытаюсь заполнить промежутки в табличке, написав названия каких-нибудь городов. Но всегда стирал, потому что они там попросту не смотрелись, будто эти пустоты отведены лишь для двух конкретных городов. Словно шифр такой – если я его подберу, вспомню или узнаю, какие именно названия должны там значиться, то смогу... Смогу... В общем, понятия не имею что будет дальше, но что-то будет обязательно. Должно быть!

Движение «из ниоткуда в никуда» – все равно, что топтание на месте. Топ-топ-топ.

В принципе, то, что я делаю, то, чем занимаюсь, мне нравится. «В принципе» – то же самое, что и «почти». То, чем я занимаюсь каждый день, как живу – мне нравится. Почти. Почему «почти»? Чего мне не хватает для полного счастья? Я уже думал над этим. Благо, было когда.

Со стороны может казаться, что я бешусь с жиру. Вроде бы всего хватает, а мне мало. Может, оно конечно и так, но... Не скажу, что все нужное у меня есть. Необходимое – да.

Вот, например, холодильник. Он всегда полон и, как источник с живой водицей, пока что иссякать не собирается. У меня есть возможность благодаря этому маленькому чуду получить все, что душа пожелает. Я еще давно заметил, что продукты, образующиеся в холодильнике, – именно те, которых мне хочется. Они, как книги или музыка, полностью подстраиваются под мои вкусы.

Иногда, когда живот лишь только-только начинает попрошайничать, я исподволь начинаю задумываться: «Чем бы подкрепиться?» Обычно еще сам толком не успеваю подумать, как было бы здорово впитаться зубами в сочную, исполненную аромата специй куриную ножку вприкуску с жареной картошкой, приправленной зеленой смесью перьевого лука, кинзы, укропа и чеснока, как оказывается, что готовое блюдо в томлении дожидается меня за маленькой железной дверкой. Ну разве не чудо? Думаю, кто угодно захотел бы себе подобную вещьцу.

И это я еще о хлебе не упоминал! Свежий, ароматный и, конечно же, горячий, будто только что из печи – рот наполняется голодной слюной от одного вида. Горячий хлеб из холодильника – нет, ну разве не маразм?!

Так что с едой у меня – никаких проблем.

Или если коснуться моего пристанища. Такое ощущение, что все в вагоне сделано под меня. Я сам по себе немаленький, но кровать еще больше – ровно такая, чтобы я как-то умудрился в ней разместиться (и очень даже неплохо). Проходы в коридоре и купе такие, что я великолепно прохожу в них, даже не стучаясь головой (и еще около двух сантиметров остается про запас). Над умывальниками не приходится скрючиваться в три погибели, а расстояние между стеной и туалетом такое, что мои колени не упрутся.

Получается так, что все мое окружение, весь мой быт мало того, что не напрягает, так еще и радует! Этот вагон – будто дом родной! Именно так я его и воспринимаю.

А если рассмотреть мои обязанности, то тут уж точно жаловаться не на что. Все, что я должен делать и в чем заключается моя служба, можно пересчитать по пальцам. Если быть точным, то по трем.

Большой палец – пока солнце озаряет меня, я убираю каждый вагон, каждый уголок, каждую пылинку, чтобы все сверкало. В темное время этим заниматься нельзя. Обычно с уборкой я справляюсь достаточно быстро, так что она даже не успевает надоесть.

Указательный палец – как только вагон остановился, я должен открыть дверь на улицу и опустить лестницу, предварительно протерев тряпкой все ручки, за которые полагается держаться при спуске. Выполнять эти обязанности мне также не трудно, а даже радостно, потому что поезд делает остановки довольно редко. В основном, я нахожусь в дороге и, конечно же, радуюсь каждому предоставленному случаю оказаться в новом месте. А места бывают разные. Ох, разные!

Средний палец – я должен разместить в обозначенном купе каждого, кто предъявит мне билет с номером моего вагона и пунктом прибытия. Ну, насчет этого мне вообще волноваться нечего – еще ни разу я не видел не то чтобы потенциального пассажира, какой-нибудь живой души, но и вообще следов присутствия других людей. Так что катать мне, увы, некого. Но пункт я этот выполнить обязан, конечно, если такая возможность вообще когда-нибудь подвернется.

Мне есть где спать, есть что есть, еще и работенка нравится – разве не сказка? Сказка, в принципе.

Мне нравится, как я живу, что делаю, да и вообще, жить здесь и сейчас неплохо... ПОЧТИ! Меня съедает изнутри незнание того, для чего или хотя бы для кого я это все делаю?! Кому оно надо?! Куда ведет мой путь?!

Эта бесцельность омерзительна. Одного лишь бессмысленного движения недостаточно. Не верю, что хоть кто-нибудь смог бы спокойно жить на моем месте – имея все необходимое для жизни, кроме понимания ее смысла.

Во мне все время сидит вопрос, противной занозой требуя внимания, даже когда я отвлекся и не думаю о нем. «А что дальше? Дальше-то что?!»

А дальше пока – ни-че-го.

Какой-то смысл, хотя бы какой-нибудь, я тщетно пытался найти в редких остановках. Когда с замиранием сердца открывал дверь, ведущую наружу, и опускал лестницу. Когда ждал пассажиров, которые. Ведь знал же, что не появятся, но все равно надеялся.

Такое же чувство, будто звонишь куда-нибудь и хочется, чтоб подняли трубку, а сам понимаешь, что рано звонить. Что еще там, куда звонишь, никого нет. Или уже поздно и все разошлись по домам. Это понимаешь, но все равно глупо, по-детски надеешься на везение, на случай, на Бога – «А вдруг!»

Долго пытался найти хоть какую-то для себя опору или горящий на горизонте маячок, но понял – здесь нет смысла, как нет и логики. Само мое существование нельзя вписать в какую бы то ни было систему. Я живу среди абсурда и хаоса. Более-менее упорядоченного, но все же хаоса.

Смысл лишь один – на закате, лежа в своем купе, слушать убаюкивающий перестук железных колес, как аккомпанемент из колонок бумбокса. Слушать и слышать, как звуки превращаются в напевы матери, склонившейся над колыбелью. Чувствовать, как мелодия становится частью твоей жизни, помогая примириться с абсолютным безлюдьем и абсурдностью мира, где реальна лишь железная дорога, бесконечно ползущая вперед.

Вот как-то так: просто живи, покачиваясь в такт вагонному перестуку. Вот и весь смысл.

Как-то на подставке для компактв дисков нашел диск – просто какой-то сборник электронной музыки. На нем из всех композиций особенно приглянулась одна. Даже не знаю, чем именно. Просто она, словно моя жизнь, наполнена пульсом железных колес. Я бы даже этот трек назвал гимном моих будней. В нем тоже выискался какой-то смысл. Под эту музыку здорово смотреть в окно – на удивительное разнообразие летящих пейзажей, на такой удивительный мир. Под Solaris Heights все увиденное становится необычным, нереальным, загадочным.

Бывает, могу не пойми от чего проснуться и лежать, прислушиваясь к ощущениям, что зарождаются в ответ на льющуюся мелодию (всегда перед сном ставлю диск на повтор). Затем

медленно разомкнуть веки, и так же медленно, чтобы (не дай Бог) не спугнуть сон, сесть на кровать, приоткрыть рукой занавеску, застав за окном беспросветную тьму.

Открытое взгляду свидетельствует: я нахожусь где угодно, но только не в обыденной реальности.

Синие сумерки разбавлены кефирным туманом, что единой пеленой склеивает редкие деревья. Вязкая белая жижа словно засасывает клочки ночи, готовя место спешащему солнцу. Я, слившись щекой с прохладным стеклом, лениво и сонно гляжу в плывущую темноту. Даже не верится, что ко всему этому можно прикоснуться, потрогать шершавую кору деревьев. Запустить ладошки-лодочки в туман, и, зачерпнув пригоршню белой прохлады, умыться ею. Даже не верится! Как заклинание, ворожат мелодия и стук колес.

А когда мстительная природа начинает резать несущийся поезд острыми дождинками, оставляя на стекле тонкие полоски-шрамы, я чувствую, как на моей щеке, слившейся воедино с оконной прохладой, появляются все новые и новые порезы.

Сидеть вот так в темноте, прижавшись к холодному стеклу и слушать, как говорит со мной поезд – ...Тук-тук... Тук-тук... – наверное, в этом весь смысл.

Остановка – дело достаточно редкое, если вообще не исключительное. Чаще всего между ними лежит безмерная пропасть сменяющих друг друга круговоротов света и тьмы.

Как по мне, так лучше уж ехать вовсе без остановок. Потому что все равно в них нет смысла – ведь никто не заходит! К тому же, мне больше нравится трястись на стыках, чем тупо стоять. Стук колес для меня стал родным, вьелся в кожу и засел глубоко в голове. Без него начинаешь чувствовать себя неуютно. Но, видимо, меня никто не спрашивает.

Стоянки бывают разные. Иногда я только успеваю спуститься на твердую почву, как неизвестно откуда раздается гудок, сигнализирующий об отправлении, и тогда нужно «смаывать удочки». Стоит лишь взобраться в тамбур, как, пройдясь судорогой по вагонам, состав начинает движение. В других же случаях они могут продолжаться неизмеримо больше и даже надоедают. Большие остановки я использую для проведения экспериментов с вагоном.

Места стоянок тоже бывают самые разные – от болот и полей до горных вершин. Как-то раз я открыл входную дверь – и в лицо стал бить пригоршнями снега ледяной ветер, а под ногами разверзлась бездонная пропасть. Помню, поезд там простоял до рассвета, а я все думал о том, как буду падать в эту бездну. Ужас!

Я успел насмотреться на всякое. Но единственное, чего не доводилось встречать – это хоть какие-то признаки живых существ. Не то, чтобы человека – даже банальной белочки или вороны не видел! Ни домов, ни гнезд, ни дорог, ни троп – абсолютный ноль! Так что приходится довольствоваться общением с природой, чем я, собственно говоря, и занимаюсь.

Жаль! Редко так везет, чтобы посреди теплого океана! Да чтобы ни облачка на небе! Да целых три заката подряд!

И все же, любуясь этой красотой, чувствую себя отвратительно и мерзко! Не могу перестать думать: что будет, когда поезд вновь издаст тревожный клич и ринется в путь – опять трястись, не зная, зачем и куда?! От одной мысли об этом тошнит.

А еще во время последней уборки я заметил в одном из тамбуров пятно ржавчины. В прошлый раз его там не было. Я смотрел на него, иступленно пытаюсь понять, откуда возникла уверенность, что это ржавое пятно – то же самое, что грызет меня изнутри. Как если бы вагон и я, каким-то образом были связаны. И эта бездушная махина могла чутко реагировать на все, происходящее со мной.

Я стоял на коленях с тряпкой в руках. Хотелось реветь. Но я зачем-то сдержался. Зачем? Ведь все равно никто не увидит. Наверное, решил побыть сильным. Чушь! Чувствую себя водой в гниющем болоте – застоявшимся без движения. Мне нужно... Я хочу...

Свет и тьма сменяют друг друга. Реки, мимо которых доводится проезжать, стремительно несутся к невиданным морям. Облака монотонно ползут по небосклону. И лишь я на месте. Даже не могу отчетливо представить настоящую скорость – но лишь прислушиваться и чувствовать. Это – словно воздух, вырывающийся из легких; словно кровь, струящаяся по венам; словно мышцы, напрягшиеся для рывка – все вокруг в движении. Лишь я один вне этого.

Я застыл. Я – камень, блеклый гранит, уже третий солнечный цикл расположившийся на крыше своего вагона, что зиждется на скатерти океанских волн, и любующийся закатом.

Глава I. Мальчик

Уже третий день кряду мальчик приходил в это странное место дожидаться заката. Почему-то именно здесь, в окружении развалин, он чувствовал себя так спокойно, как не получалось даже дома. Будто под защитой, которой так не хватало! Стоило лишь войти – и тело наполнялось легкостью; внутри образовывалась приятная пустота, а тревоги уходили прочь.

К тому же это было единственное место в деревне, где можно побыть в одиночестве. Местные называли его Мертвым Городом и считали запретным, приписывая мистическую силу. И вполне понятно почему.

Ровно посреди маленькой площади в окружении полуразрушенных и почти ушедших в грунт саклей, находился огромный булыжник цвета мела с отполированной до блеска поверхностью. Странно было само по себе, как природа могла создать такую идеальную округлость. Вдобавок, он всегда оставался теплым. Несмотря на пронизывающий до костей ледяной ветер, этот огромный (в половину роста взрослого человека) валун своевольно дышал теплом, словно живой. А сейчас, на излете осени, когда шквал еще более ожесточился, на согревающем душу и тело камне сидеть было особенно приятно. Казалось, этот жар и в самом деле не принадлежал миру людей. Но это не волновало: он просто искал одиночества.

Мальчик давно заметил, что, если долго сидеть на булыжнике, без конца думая о своей жизни, а потом о планах, о будущем, а затем еще о чем-то, а потом и еще... И еще... Размышляя, пока все мысли не будут обдуманы и выжаты, будто виноградный сок, а внутри останется лишь пустота. Вот именно тогда можно просто сидеть и впитывать глазами, как на видео-ленту, окружающее. Именно в этот самый момент зарождается ощущение, что белый шар и слившееся с ним тело одинокого мальчугана – и есть центр. Центр Земли, Вселенной, равновесия – маленькая белая точка в окружении тьмы.

Еще он без усталости мог любоваться открывающимся с каменной вершины видом, который вполне мог оказаться самым красивым в мире. Плато (фундамент Мертвого Города) находилось на пути к высокогорному леднику и возвышалось над рекой более, чем на полсотни метров. Отсюда можно увидеть все: и уходящие вдаль горные хребты, и ползущую внизу дорогу с деревней, раскинувшейся вдоль, и здание санатория.

Дозорные башни (высокие каменные сооружения, когда-то служившие предкам) располагались, словно рамки картин – разграничивая видимое на совершенно разные, противоположные друг другу миры.

Первый мир, что левее, – это родная деревня сорванца, где он прожил все свои недолгие годы. Селение всего в одну улицу бесцветной гусеницей ползло вдоль дороги, ведущей дальше, в ущелье Кобань – место множества туристических баз. Большинство и жило, продавая туристам кто баранину, кто водку, а кто – вязаные свитера.

Вот так, как на ладони, вся жизнь мальчика – серое шоссе, изъеденным ямами асфальтом ведущее ввысь, в горы; около пятидесяти слившихся с дорожной пылью одноэтажных домишек да ненавистная школа, переполненная абсурдными правилами и законами.

Там, внизу, все блеклое, словно покинутое душой тело. Ледяной ветер носит вдоль дороги тягучее время. И, кажется, что сама жизнь уже давно покинула это место.

Единственное, по чем можно догадаться, что перед мальчиком – настоящее село, а не искусно сделанное фото – бурлящая среди острых валунов река, рожденная высоко в горах и спешащая вниз к Большому Городу. Такая же серая, как и все здесь, она шумит день и ночь. На протяжении всей жизни, с самого рождения, мальчик слышал этот шум, похожий на звук водопада. Всегда (весной громче, осенью тише) река шумела, создавая иллюзию движения, мираж бытия. Мчащаяся вперед вода как будто пыталась разбудить вечно сонных, закутанных

в толстые свитера из овечьей шерсти людей. Сонных стариков, сонных детей, сонных мужчин и женщин. Но все без толку – вот уже столько веков ничего из этого не выходило.

Все кругом дремали. Жизнь не отличалась ото сна, а сон – от жизни. Люди жили, все глубже сливаясь с холодной серостью скал, среди которых были рождены.

Парнишка старался вообще не смотреть в сторону села. Он не хотел видеть жизнь, способную уместиться на ладошке ребенка. Он не хотел видеть все это, зная, что в любой момент ладонь можно сжать в кулак, скомкав мир и погрузив его во мрак.

Мальчик не хотел смотреть, сдерживая рвущиеся из глаз слезы, на свою маленькую серую жизнь.

Больше ему нравился другой мир, расположенный чуть правее. Даже удивительно! Небольшое движение головы – и вид разительно меняется, а тот же самый пейзаж приобретает совершенно иные оттенки. Скучные горы, холодный воздух и рокот реки превращаются в декорации к красивой и достойной жизни.

Сразу за поворотом дороги, огибающей подножье холма, в небольшом отдалении от деревни, хозяином на пиру развалился санаторий для иностранцев – единственное многоэтажное здание, виденное воочию (не считая двухэтажной школы). Этот санаторий с прилегающей территорией, обнесенной высоким забором, создавал впечатление заключенного внутри богатства и успеха. Само здание было для деревенских символом процветания и изобилия, о которых даже думать дорого. Строение насыщенного красного цвета местным представлялось настоящим оазисом, где приезжие не выживают, как большинство жителей деревни, а со вкусом прожигают жизнь. Конечно же, это лишь игра воображения. Вездесущие слухи были абсолютно беспочвенны. Местным запрещалось даже приближаться к багровым стенам.

Мальчик вообще мало знал об этом запретном месте. Приезжие только изредка выходили на экскурсию в Мертвый Город, и единицы из них с альпинистским снаряжением – дальше, к леднику. Поэтому, несмотря на то, что санаторий уже более пяти лет был приютом любителей горного воздуха со всего света, мало кто из селения хотя бы словом обмолвился с заграничным гостем. Персонал также постоянно жил на его территории.

Местные, ежедневно выходя из убогих хибарок на пронизанную ледяными ветрами улицу, неизменно видели возвышающуюся над холмом красную черепицу как напоминание о собственной безысходной нищете.

Солнце зашло. Здесь, в горах, никогда не бывало ярких, живописных огненно-алых закатов. Светило попросту в одночасье исчезало, будто поглощенное голодным каменным чудовищем, и вмиг приходила тьма. А так хотелось когда-нибудь увидеть настоящий яркий закат! Таким, каким его изображают художники, сравнивая с пунцовой дорожкой, мерцающей на глади утомленных волн. Когда-нибудь... Он увидит... Обязательно!

Мальчуган встал, кутаясь в жилет грубой вязки. Теперь, вернувшись из мира благополучия в свою реальность – невзрачный и даже отталкивающий мир, он почувствовал, как замерз. Стоя на большом белом камне, не ощущая собственного тела, он смотрел на тропу, где сейчас предстояло пройти. Протоптанная ногами предков, она спускалась к подвесному мосту над бурной рекой. Тропа – жизнь. Тропа – смерть.

Именно так мальчик и воспринимал ее – бесценным подарком, ведущим в горы к спасительному одиночеству – тропой жизни. Наказанием – уводящим в уравновешенную безысходность, серую предсказуемость, безликую обыденность, сквозящие в каждой секунде – тропой смерти.

Он знал, что, так или иначе, ему придется возвращаться туда, что зовется «домом». Сейчас он заставит себя сделать несколько шагов – и уже минут через двадцать окажется в месте, где каждый камень, каждая песчинка испокон веков лежали именно там, где и сейчас.

«Иди! – уговаривал он себя. – Иди! Тебе надо. Тебя ждут. Иди!».

Шаг, еще один... На три шага приблизился он к ненавистной скуке, а затем побежал, чтобы не было так тяжело заставлять свое тело двигаться. Чтобы не было так мучительно больно.

Когда до ближайшего дома оставалось каких-нибудь метров сто, резко остановился, словно налетел на невидимую преграду. Немного постояв, резко выдохнул и уверенно двинулся, твердо ступая вдоль широкой дороги. Его серьезное, напряженное лицо говорило, что мальчонка совершенно не играет, а вправду каждый шаг является для него настоящей пыткой. И, по мере приближения к границам деревни, все больше невидимых толстых канатов тянут его обратно.

Поравнявшись с первым домом, несколько отдаленным от остальных, пацан вновь остановился.

– Здравствуй, дедушка Азамат, – улыбнулся он сидящему у крыльца с закрытыми глазами старику. Тот вздрогнул, будто вынырнул из глубокого сна, и удивленно уставился сквозь вечерний сумрак на собеседника.

– А-а-а... Воин, это ты? – сонно откликнулся дед.

Мальчуган знал, что перед ним, подперев бороду резной палкой и с папачкой набекрень, сидит самый хитрый человек на свете. Поэтому в разыгранную сонливость несколько не поверил. Ребенок готов был дать голову на отсечение, что старец заметил его силуэт еще издали. Дед Азамат всегда себя вел так, будто ничего не замечает, не знает и знать не хочет. Хотя именно этот сухопарый старик, сонно сидящий у крыльца своего дома на окраине, лучше любого в деревне все подмечал, все знал и всем интересовался. Не зря же взрослые ходили к нему за советом.

– Как твои дела, воин? Небось, опять в Старый Город бегал? – спросил дедуля.

Хлопчику он нравился. Во-первых, только дедушка Азамат общался с ним на равных. А во-вторых, всегда называл воином, что безумно льстило обладателю совершенно мирного характера. Как-то старик сказал: «В тебе течет кровь предков. Кровь – огонь, какой может быть только у настоящего воина. Не то, что у этих сонных бурундуков, днями напролет гоняющих овец по горам. Ты еще покажешь им, на что способен, когда обнаружишь силу, живущую в твоей крови!»

Красивые слова. Только что-то в них совсем не верилось.

– Да, дедушка. Именно оттуда я и иду.

– Ох, и попадет же тебе от матери! – притворно беспокоясь, сказал старина, тщательно поправляя съехавшую набок овечью шапку, – кстати, она тебя искала.

– Уже иду, – мальчик было собрался скорее бежать домой, но, спохватившись, вновь повернулся к старцу. – Давно хотел у тебя, дедушка, спросить. А почему ты сакли на горе называешь «Старым Городом», когда все говорят «Мертвый»?

– Ошибаются все! Никогда никого не слушай. Особенно всех! Это совсем не мертвый город – там жизни полно, хоть и невидимой.

– Жизни? – недоуменно повторил ребенок.

– Потом поймешь. Я тебе как-нибудь в другой раз про те полуразрушенные башни и силу камня расскажу.

– Сила камня, – заворуженно, будто коснулся чего-то чудесного, прошептал малыш.

– Потом! А сейчас ступай. И так мать волнуется.

– Она всегда волнуется, – буркнул себе под нос мальчишка, но все же спешно зашагал дальше.

Его дом находился близко к школе, буквально через дорогу. Такой же типично-стандартный, без каких-то особенностей, как и любой деревенский дом: четыре комнаты, маленькая кухонька да туалет на улице.

Самое большое из помещений служило чем-то вроде гостиной. Хотя о какой гостиной вообще могла идти речь? Большую часть комнаты занимал огромный стол. Для всего: для постоянных застолий, для семейных «советов», для решения проблем. Часто казалось, что вся жизнь родителей протекала лишь вокруг этого стола. Что именно он – грубый, совсем не красивый, традиционно застланный кружевной скатертью – и есть главная родительская ценность. Иногда думалось, что он является стержнем, носителем семейной жизни. Не станет стола – не станет и матери с отцом. И еще – что именно из-за него, этого стола родители никогда не выезжают за пределы села. Стоит отойти слишком далеко, как связь с деревянным монстром оборвется и сразу упадешь замертво. Причем у каждой семьи, в каждом деревенском доме в «гостиной» стоял такой же точно монстр.

Следующая комната была родительской, ровно на одну широкую кровать. Спальня родителей вообще была своеобразным табу – мальчонка мог по пальцам пересчитать, сколько раз за свою жизнь побывал в ней. Хотя, с другой стороны, никто конкретно ему не запрещал туда ходить. Просто с самого детства знание, что «нечего там ребенку делать» витало в воздухе. Даже сейчас парнишка помнил, как, будучи совсем еще маленьким, трясся от страха во время грозы, но пойти к родителям в спальню, чтобы уберечь, отогнали своим теплом навалившийся ужас, даже помыслить не смел.

Еще одна комната – это отцовская святая святых. Там, помимо большого старого дивана и маленького столика, величественно восседал на тумбе телевизор. Почти все свободное от работы время отец утопал в недрах дивана, вперив стеклянный, безжизненный взгляд в мелькающие на экране картинки. Мальчик редко бывал здесь – ведь с отцом смотреть телевизор было совсем неинтересно! Говорить мог лишь динамик «ящика» (как злобно называла его мать). А если хотелось что-то обсудить или спросить, отец мгновенно реагировал недовольным окликом или тычком ноги.

И, наконец, комната мальчика. Он любил и наслаждался ею, как наслаждается садовник своим садом. Именно здесь царила настоящая жизнь! В остальном доме все было или слишком громоздким, или миниатюрным, а значит неудобным. Свою же комнату мальчонка, по возможности, заполнял для себя и под себя, нещадно избавляясь от всего, что казалось чужим. Конечно, мебель не отличалась особой новизной, однако это было неважно. Осознание, что комната в целом и каждая в ней вещь принадлежали ему, делала их бесценными и любимыми. Даже мать, помешанная на чистоте, ради уборки не решалась нарушать покой и границы этого помещения, предоставляя сыну самому распоряжаться порядком в своей обители.

Именно сюда он и стремился попасть как можно скорее.

Стоило лишь переступить порог, как из ниоткуда возникла она. Сверкая разъяренными глазами и закрывая собой проход из коридора, а, значит и путь к отступлению, мать всем видом показывала недовольство.

«Спектакль «Грозное облако» начался!» – подумал сорванец.

– Ты знаешь, который час?! – произнесла она первую фразу традиционного монолога.

Мальчик виновато пожал плечами, с готовностью подхватывая отведенную ему роль.

– Вот именно! – непонятно к чему воскликнула мать. – Половина шестого – уроки уже четыре часа как, закончились! Где ты все это время был?!

– У Тамика, – еле слышно соврал мальчонка в надежде, что спасательный круг окажется на плаву.

– В отличие от тебя, Тамерлан домой пришел сразу после школы.

Черт, вранье не прошло.

«Ну и говно же Тамик! Ведь обещал!» – зло подумал мальчик.

Оставалось лишь два варианта: сказать правду, а, значит, получить по полной, или, не сознаваясь, тупо молчать, подошвой сапог стирая с пола невидимые линии. Что, собственно говоря, и делалось.

Так и не произнеся ни слова, поджав губы и вперив в лоб сына пронизывающий взгляд, мать постояла еще с минуту, но, не дождавшись повинной, сухо бросила:

– Хорошо. Тогда с отцом будешь разговаривать!

– Ма-ам... – жалобно протянул мальчик.

– Иди в свою комнату. Чтобы я тебя до самого ужина не видела!

Поставив в конце жирный восклицательный знак, она развернулась и устало поплелась на кухню.

Ребенок быстро снял верхнюю одежду, разулся, захватил стоящий у входной двери ранец и пробежал в свою комнату. Лишь закрыв дверь и сиганув на кровать, он смог с удовольствием выдохнуть:

– Интересно. Это навсегда?

Нельзя сказать, что, убегая в запретный Мертвый Город, он не знал о возможных проблемах, но, как и любой, делающий что-то «нельзяшное», рассчитывал на «авось пронесет». Однако же на этот раз «не пронесло» и теперь проблем не избежать.

С одной стороны, отца можно не бояться. Мамина угроза «разговора» с отцом не действовала уже давно. Пацан очень рано раскусил, что воспитательный максимум отца – это затрепщина да какое-нибудь обидное слово. И то, больше для вида, чтобы мать отвязалась. Он давно к этому привык и воспринимал весь педагогический процесс не более, чем спектаклем для родителей. Ну, развлекаются люди (в частности мама). Чего, спрашивается, мешать?

Больше остального его тревожило, что узнают про то, куда бегает сын. А тогда может вытворить что угодно, вплоть до проводов и встреч из школы. А это уж ни в какие рамки! И так в школе проблемы, а если еще и мамины «бзики» добавятся.

Ни о чем конкретном не думая, мальчонка немного повалялся в кровати, наслаждаясь полумраком. Когда решил, что пора шевелиться, сел, протяжно, с удовольствием зевнул и лишь затем встал окончательно. Сняв школьную одежду, аккуратно сложил ее в шкаф, прошел в угол комнаты, где на табурете лежали скомканные майка и спортивные. Наскоро переодевшись, сел за письменный стол, где, как и у любого подростка, с избытком было навалено всякой всячины. Настольная лампа высветила сложенные башенками по пять-шесть штук учебники. Бросив на них взгляд, он неприязненно поморщился, и, подперев голову руками, пустыми глазами уставился в окно.

В животе что-то просительно перевернулось, громко булькнув – есть захотелось до безумия. Но, как сказала мать, до самого ужина ей лучше на глаза не попадаться.

Вообще, лишение еды у матери было излюбленным методом наказания. Стоило что-нибудь сделать не так – будь уверен – обеда или ужина не видать. А если уж очень нашкодил, может лишит и того, и другого. Как уверяла пословица: «Предупрежден – значит вооружен!» – зная мамины привычки, мальчик всегда держал в комнате что-нибудь съестное, чем хотя бы немного можно было заполнить желудок.

Его запасливость выручила и в этот раз. Достав из зеленого пластикового стаканчика со стола внушительную порцию карандашей и ручек, мальчик перевернул его – на гладкую поверхность вывалился маленький железный ключик, которым он отпер нижний ящик столешницы. Выдвинув до отказа забитый какими-то тетрадами и листками ящик, у задней стены он начал искать припрятанную пачку печенья. Обнаружив искомое, ребенок принялся с удовольствием медленно разрывать шуршащую упаковку. Добравшись-таки до заветного лакомства, он все также медленно стал есть сладости, растягивая удовольствие.

Почему мать наказывала именно едой, было как раз вполне понятно. Для нее пища была огромной частью жизни и по значимости могла сравниться лишь с любовью к сыну. Почти все время она проводила на кухне, которая являлась ее удельным княжеством. Иногда мальчик думал, что мать тут и родилась. Готовила безумно вкусно – не зря же считалась лучшей стряпухой деревни. «Наверное, она совсем не устает днями напролет резать овощи, разделявать мясо и слушать шипение масла на сковородке», – размышлял мальчик, дожидая последнюю печенюху.

Стоило лишь похвалить результаты ее труда – и более счастливого человека не сыскать на всей Земле. Она всегда очень придирчиво относилась к словам людей, легко различая ложь и правду, но, когда дело касалось приготовленной ею снеди, напрочь теряла чутье, со счастливым румянцем принимая на равных и грубую лесть, и заслуженные комплименты.

Часто казалось, что в ее жизни существовало лишь две важные вещи: кухня и сын (хотя ему как-то неуютно было называть себя «любимой вещью матери»).

Мать обожала готовить, вкладывая в это занятие всю себя. Только отец никогда этого не замечал. Каждый раз, приходя домой, он молча садился за стол и также молча, словно подражая выпасаемым баранам, двигал челюстью, попросту запихивая внутрь, что подадут и вовсе не разбирая вкуса – было бы чем набить желудок. Со стороны это выглядело настолько мерзко, что ни мальчик, ни, тем более, мать, не могли этого вынести, и поскорее ели, уткнувшись каждый в свою тарелку. А что делать?

Покончив с печеньем, мальчик засунул пустую обертку в рюкзак, чтобы выбросить ее завтра по дороге в школу. Мысли о учебе и о завтрашнем дне вызвали в нем жуткую тоску, от которой аж передернуло.

– Ладно, – выдохнул он. – Завтра будет завтра, – и, чтобы не думать о чуть притупившемся голоде, решил чем-нибудь заняться.

Достал из выдвинутой полки несколько белоснежных альбомных листов. Затем сгреб в охапку разбросанные по столу карандаши, поставил их обратно в зеленый стаканчик. Аккуратно стопочкой уложил перед собой листки. Из груды простых карандашей выбрал штук пять, на первый взгляд ничем не отличающихся друг от друга. Разложив их ровно, словно шпалы на одинаковом расстоянии, чуть повыше бумаги, на секунду замер и довольно, как писатель, только закончивший роман, осмотрел рабочее место. Сложенные стопкой листы, ластик и пятерка карандашей на заваленном учебниками столе смотрелись в самый раз. Посидев так с минуту (как если бы набирался сил перед финальным броском), он все-таки решился – резким, неожиданным для стороннего наблюдателя движением схватил один из карандашей. Могло показаться, что орудие было выбрано наугад, хотя на самом деле мальчик точно знал, какой именно из тщательно отобранных «Ко-хи-норов» сейчас ближе. Это стало заметно уже в следующий миг.

Зажатый пальцами карандаш и вовсе исчез, растворился, слившись с кистью, стал придатком руки. А сам мальчик, лишь только взяв в руки карандаш, разительно изменился, отличаясь от того, другого себя, сидевшего за столом всего секунду назад.

Прямо перед глазами он держал карандаш, рассматривая его, будто видел впервые, и медленными, плавными движениями водил им туда-сюда, выписывая в воздухе невидимые линии. Казалось, что ребенок, внимательно наблюдающий за движениями острия, упивается внутренней силой, наслаждается собственной цельностью, появлявшейся каждый раз, стоило лишь взять карандаш или ручку и положить перед собой белый лист, в любой момент готовый принять на себя все сокровенное. Стоило лишь покориться желанию рисовать – как он преобразался в себя настоящего – целостного, совершенного, могучего воина.

Закрыв глаза, опустил руку и коснулся остро отточенным грифелем листа. Раз... Два... Три... Веки открываются – и вместе с тем рука скользит вверх, оставляя первую линию рождающегося рисунка. Еще одна линия... Штрих... Еще... И еще... И еще...

Спустя некоторое время листы пестрели образами людей, лицами и вещами, абстрактными переплетениями линий и узоров. А он все рисовал и рисовал, и не думая останавливаться, отключив потоки мыслей, просто отдавшись потоку чувств и двигаясь в такт зарождающимся картинам. Он заполнял рисунками пустые страницы, как с ним это делали страхи.

Парень обожал эту одержимость, заставлявшую неистово, яростно превращать мнимые миры в образы на бумаге. Лишь в такие моменты он мог ощущать себя настоящим. Чувствовать, что он – есть, что он – это он. Художник переставал воспринимать тяжесть тела, а с нею – бремя довлеющих ненавистных будней. Вся жизнь сжималась в одну лишь мизерную точку на кончике карандаша. Рисуя, он обретал себя, чтобы спустя мгновение вновь потерять, слившись воедино с еле слышимым шепотом грифеля на шершаво-белесой бумаге.

Лишь на мизерные мгновения (иногда длящиеся часами) все исчезало. Оставался лишь карандашный шорох. И только!

Сколько прошло времени, сказать сложно. Когда он рисовал, исчезало само это понятие – может быть, полчаса, а может – и три. Когда мать громко (желая напомнить о недовольстве) постучалась и позвала ужинать, он даже не услышал, отдавая все внимание рисункам.

Выйдя из комнаты, еле переставляя от усталости ноги (каждый раз после такой вот «медитации» тело совсем отказывалось слушаться), мальчик поплелся к столу, хотя уже заранее знал, что к этому времени все уже убрано. Как и ожидалось, стол оказался предательски пуст. И это могло значить лишь одно – время ушло, а из-за дурацкого правила «семейного ужина» еды не видать аж до самого утра.

Было принято, что ужин для всех должен быть событием исключительной важности. «Вечернее принятие пищи», как подчеркнуто почтительно говорила мать, проводилось в обстановке официальной, торжественной, характерной не обычной деревенской семьи, а высшего общества где-нибудь в залах Версаля.

Мальчик на дух не переносил весь этот пафос, предпочитая под любым предлогом устроиться от совершенно идиотской, на его взгляд, церемонии. Однако возможность избежать тяжелой участи представлялась довольно редко. Наверное, и мать раздражало зрелище равнодушного поглощения отцом ее кулинарных изысков.

Получалось, что каждый раз парню приходилось себя заставлять кушать со всеми. А мать даже слушать не хотела любые предложения по данному вопросу, упорно не желая понимать, что лучше всего есть, когда хочется, а не «по традиции».

Мальчик стоял перед пустым столом, думая лишь об одном – ночью будет очень голодно.

От греха подальше, он вновь спрятался в своей комнате, как черепаха в панцире. Неотвратимость кондовой родительской педагогики висела Дамокловым мечом.

Все будет проходить, как всегда, по одной схеме.

Первое. Мать вместо вежливого стука несколько раз бухнет ладонью по двери. Зайдет, нахмутив брови и уперев руки (по крайней мере, одну – точно) в бока. И просто встанет посреди комнаты. Хотя нет, не так... Нависнет над ним, молча буравя сына взглядом. И так около минуты.

Второе. Набрав побольше воздуха в легкие, начнет очень громкий разговор с вопроса: «Ты хоть соображаешь, ЧТО делаешь?!». Кстати, именно на этот вопрос он чаще всего и не мог ответить даже себе, на самом деле не понимая, ЧТО такого ужасного совершил. Далее последует продолжительный монолог с хватанием за сердце, регулярными вкраплениями слез и поочередно сменяющимися друг друга нотациями, обвинениями, мольбами и жалобами.

Третье. На шум придет отец, чтобы помочь жене в воспитании «сына-оболтуса». Хотя, на самом деле, ему просто мешают смотреть телевизор.

Четвертое. Отец спросит: «Что на этот раз?» Но не успеет мать и трех слов сказать, как мальчик уже получит по шее – не больно, но чрезвычайно обидно, на сдачу получая что-то типа «Не сын, а полный придурок!», «Хватит мать изводить, баран!» и в том же духе с минимальным количеством вариаций.

Пятое. Мать с воплями бросится на защиту сына.

Шестое. Родители начнут ругаться между собой. Забыв про сына, они постепенно удалятся из комнаты. Мальчик наконец-то останется один. Стараясь не обращать внимания на скандал, займется своими делами.

Седьмое. Обиженная мать рано ляжет спать. Злой отец будет допоздна смотреть телевизор и уснет прямо на диване.

Восьмое. Все довольны, кроме мальчика, считающего, что вполне можно обойтись без этого приехавшего якобы воспитания.

Подобный спектакль проходил с раздражающей регулярностью примерно раз в неделю, а то и чаще. Судя по всему, вряд ли сегодня его удастся избежать.

То, что мать и отец не любят друг друга, он понял давно. Как раз во время семейного ужина.

Вот так просто сидел за столом со всеми, без особого желания ковыряясь в ароматных голубцах, ни о чем конкретно не думая. Так, о всякой ерунде. Зачем-то понадобилось оторвать взгляд от тарелки и посмотреть на грустную мать, на равнодушного, холодного, словно горный ветер, отца. Именно тогда он и увидел, а увидев, понял, что они совсем друг друга не любят. Просто сосуществуют (очень подходящее слово) рядом – ни больше и ни меньше.

Почему с ними это произошло? Было ли когда-нибудь по-другому? Мальчик не знал, и честно говоря, совершенно не хотел разбираться.

Нельзя сказать, что это открытие далось легко. После ужина он находился в состоянии непонятной прострации, не совсем соображая, что ему теперь со всем этим знанием делать. Тогда он вернулся к себе, выключил свет, рухнул на кровать и долго валялся, разглядывая темноту. В конце концов, он решил эту мысль оставить такой, какая пришла, без изменений и додумок – задвинуть в самый дальний чулан своей памяти, предварительно закатав в трехлитровый баллон.

«Пусть все будет так, как будет, – думал он в темноте. – Вряд ли я хоть что-то смогу изменить». С этой мыслью он и заснул.

Тогда ему, кажется, исполнилось десять лет.

Он сидел за письменным столом, аккуратно выводя в тетради каждую латинскую букву. Как ни старался, не мог полностью погрузиться в задание, отчего постоянно делал ошибки. Не получалось сосредоточиться из-за бегущего впереди любых мыслей тягостного ожидания расправы в лице разъяренной матери. Уж слишком долго она не появлялась, чтобы нарушить своими криками царящее в комнате в свете настольной лампы спокойствие и полумрак.

То полностью погружаясь в перевод очередного достаточно сложного текста, то замирая, прислушиваясь к шагам и голосам родителей за дверью, мальчик ждал. В конце концов, когда окончательно надоело ждать положенного нагоняя, он смог плюнуть на все и полностью погрузиться в работу.

Английский язык или «инглиш», как его все называли, был, наверное, самым интересным предметом. И дело даже не в том, что мальчику не составляло никакого труда преобразовывать родные слова в язык далеких стран. Скорее, больше нравилось понимание возможности самому говорить и даже думать «по-другому». А способности к языкам только подкрепляли желание учиться. Когда неизвестные доселе слова моментально и крепко-накрепко оседали в памяти (стоило лишь узнать их перевод), сразу возникало стремление узнавать как можно

больше. Словно пробуя на вкус экзотическое блюдо, мальчик смаковал произношение нового слова – медленно, с чувством выговаривая каждый звук, ощущая тяжесть или ветреность смысла, что оно в себе несло.

– Си-и... Ре-е... Ни-и... Ти-и... – проговаривал мальчуган в очередной раз, наслаждаясь звуком своего голоса. – Сиренити-и... Спокойствие... Сире-енити – спокойствие. – Он будто взвешивал еще неоткрытый подарок, закрыв глаза, прислушиваясь к приятной тяжести внутри.

А еще приятнее было думать на чужом языке (который стал почти родным). Тогда ребенок мог представить, что он находится вовсе не здесь, а где-то совсем в другом месте – там, где ему и положено быть: где все думают, как и он, наслаждаясь «английскими» мыслями, где каждый занимается своим делом, где он мог бы днями напролет изводить листы карандашными рисунками. «И ни тебе безумно холодного ветра, готового до-браться до самого сердца, стоит лишь чуть-чуть расслабиться, ни тебе насмешек в скучной школе, ни дурацких ужинов по принуждению», – мечтал он по-английски.

Мать словно бы стояла за дверью, дожидаясь, когда сын поставит в тетради последнюю точку, чтобы нерешительно (в противовес ожидаемому) постучать, прося разрешения проникнуть. Паренек опешил, но, быстро опомнившись, громко пригласил войти:

– Заходи, мам!

Он знал, кто стучится. Отец никогда этого не делал – просто распахивал дверь. Ему, наверное, и в голову не приходило, что на это нужно разрешение.

Дверь приоткрылась, в проеме наполовину показалось лицо матери. И лишь затем она зашла «вся».

Мальчик все также сидел на стуле, лишь повернувшись ко входу боком.

Мать заботливо прикрыла за собой дверь. Та даже не скрипнула. Все так же тихонько, боясь издать лишний звук, будто могла кого-то разбудить, неуклюже ступая по ковру, прошла к кровати и села. Кровать лишь обреченно скрипнула под непривычно большой тяжестью.

Из-за лампы, яркости которой хватало лишь на стол да пару метров пола, мать выглядела бесцветно, блекло, словно застряла в черно-белом фото. Она сидела, опустив глаза на собственные руки, с любопытством наблюдая, как они разглаживают невидимые складки на и так идеально ровном халате.

– Ты... – начала безжизненным голосом «черно-белая» мать. – Ты уроки как... Уже сделал?

Он кивнул. Была видна растерянность мальчугана – всегда суровая и категоричная мать неожиданно говорит с ним так. Спокойно, «на равных» – это нонсенс.

«Оказывается, может быть и так!» – удивленно подумал он.

К тому же он ожидал хорошей взбучки, криков и даже физического наказания, но никак не вопроса об уроках.

– Хорошо, – только и сказала она бесцветно, продолжая наблюдать за движениями своих рук. – А я... Я тут подумала... Хочешь, завтра твой любимый «Наполеон» сделаю? Ты сегодня, считай, ничего целый день не ел. Да и сладкого давно у нас не было. Ты как на торт смотришь?

Мальчик хмурился, не веря в неожиданно свалившуюся щедрость и ожидая спрятанного за пазуху подвоха:

– Было бы неплохо.

– И я так думаю, – сказала она. И замолчала.

Немного помедлив, мальчик все же рискнул и спросил:

– Мам, у тебя все в порядке? – хотя уже сам прекрасно знал ответ.

– Да-да, конечно! С чего это ты вдруг спрашиваешь?

Взглянув из своего «цветного» мира в черно-белый мир матери, парнишка увидел, как та улыбается. Но ее неестественная улыбка преграждала путь слезам, что скатывались по щекам.

– Ты плачешь.

– Неоспоримый факт, – попыталась она отшутиться. – Все в порядке.

– Мам, – позвал он, но женщина не подняла глаз. Сердце екнуло, а в груди заныло. Голос матери был наполнен тихим отчаянием, а кукольная улыбка на зареванном лице выдавала ложь. Маме очень плохо?

Она оторвала взгляд от собственных рук, чтобы заглянуть в глаза сыну. Ее кисти тоже замерли. Все это продолжалось не более нескольких секунд. Затем она снова сосредоточилась на своих руках.

– Все нормально, – еще тише и совсем уж неестественно повторила она. – Все, как всегда. Я вот... Просто спокойной ночи пришла пожелать.

– Мам! – пытаясь хоть что-то понять, окликнул он снова, но его слова не могли преодолеть вязкую границу между различными мирами. Тоска против спокойствия. Тьма против света. Цвета плодородной осени против серой зимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.